

Русская православная церковь в современном российском обществе

М. Н. Голик

соискатель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород.

E-mail: mihail.golik@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается религиозная организация Русская православная церковь (Московский патриархат), которая является значимым субъектом общественной жизни в современном российском обществе. Обозначены нравственные и религиозные мотивы, которые исторически определяли форму и содержание отношений между людьми. Описаны основания, на которых сегодня строятся модели социальных отношений. Отмечено, что в качестве наиболее типичной формы современной социальной активности РПЦ выступает общественная практика Церкви при решении проблемы мирного урегулирования противоречий между приверженцами противостоящих идеологий. Вместе с тем показаны методологическая ограниченность и практическая опасность принципа идеологического релятивизма. Главными социальными последствиями мировоззренческого релятивизма сегодня становится усиливающаяся тенденция к стиранию естественных и культурно-исторических различий между человеческими общностями. Другой стороной практической реализации принципа релятивизма является формализация межличностных отношений, породившая позитивистский проект информационного общества. Еще одним вариантом практического применения антиметафизической идеологии позитивизма в жизни современного социума становятся внедряемые через СМИ имморальные «идеалы» достижения конечных результатов жизненной стратегии, потенциально способные превращаться в антиценности. Сделан вывод о том, что в ситуации мировоззренческого эклектизма и одновременного обострения идеологических конфликтов большая доля ответственности лежит на Церкви, которой определенно есть что противопоставить напору растущей бездуховности. Церковное мнение, выраженное в практической деятельности, подтверждает предположение о том, что в современном техногенном и потребительски ориентированном социуме может и должно быть достигнуто разумное согласование между духовной и материальной сферами бытия.

Ключевые слова: духовность, модель, идеология, традиции, Русская православная церковь, позитивизм.

Сегодня в российском научном сообществе наблюдается повышенный интерес к деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в связи с ее активной ролью в политической жизни страны. Большая часть таких исследований посвящена обзору документов, характеризующих процесс взаимодействия Церкви и государства за определенный исторический период [3; 11]. Некоторые работы затрагивают оценки нравственных и религиозных мотивов, на которых строились церковно-государственные отношения в более широкой исторической перспективе [13]. Вместе с тем с позиции обсуждения перспектив социального служения Церкви более важным представляется рассмотрение вопроса не только о формальной стороне церковно-государственного взаимодействия или его мотивационной составляющей, но прежде всего о самой природе оснований, на которых должна строиться практика подобных отношений. В качестве примера для поиска таких сущностных оснований могут быть использованы общественные практики РПЦ при решении одной из наиболее острых проблем – проблемы мирного урегулирования современных противоречий между приверженцами противостоящих идеологий.

На пороге нового тысячелетия жизнь в нашем государстве кардинально изменилась. Появились новые общественные ориентиры, изменилось отношение к Церкви. Исчезла государственная атеистическая идеология, правившая на протяжении почти всего XX в. Однако признание исторически проверенной стабилизирующей государственной роли РПЦ не превратило православие в государственную религию, как это было в предыдущие столетия [16]. Возникли идеи гражданского общества и рыночной экономики. В новом обществе дух конкуренции, погоня за прибылью порой вытесняет из жизни этические и нравственные нормы. В условиях нового общественного строя информатизация как один из инструментов организации общественных отношений обостряет известные социальные настроения, порождает новые явления со своими специфическими проблемами. В этой исторической ситуации Русская православная церковь сочла необходимым обозначить свою позицию, свое видение происходящих изменений, а также уточнить свои взгляды на актуальные вопросы современной жизни: «Позиция Священноначалия по некоторым острым вопросам современности была ранее выражена, но она нуждалась в кодификации. Накопилось много и таких

вопросов, на которые не был дан ясный церковный ответ; да и не все ответы, уместные в прошлом, могут применяться сегодня» [8]. На Архиерейском соборе Русской православной церкви (29.11.1993 – 02.12.1994 гг.) было принято решение о создании «всеобъемлющей концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом» [8]. На юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. был принят документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», содержащий принципы, взгляды, положения, касающиеся сферы церковно-государственных и церковно-общественных отношений.

На протяжении тысячелетней истории человечества наиболее открытым проявлением социальной и политической вражды выступала война. При этом две самых кровопролитных войны, активным участником которых выступала Россия, пришлось на прошлое столетие. В разделе VIII документа изложена позиция Церкви по вопросам войны и мира. Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. В этих случаях война считается хотя и нежелательным, но подчас вынужденным средством [12]. За многовековую историю нашего народа Церковь многих воинов причислила к лику святых, учитывая их христианские добродетели, относя к ним слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15. 13). Высказано также отношение Церкви и к способам ведения войны, к обращению с пленными и мирным населением, ведь «даже ведя, как кажется, справедливую войну, можно одновременно творить всяческое зло и оказаться не выше захватчика по своему духовному и моральному состоянию». Вполне осознавая эту опасность, Церковь по необходимости должна иметь «особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам», стремясь возвратить его «к веками утвержденным православным традициям служения отечеству».

Военные действия, как и любое насилие, пусть вынужденное, чрезвычайно опасны для духовного, морального состояния человека. Для сохранения нравственных ориентиров требуется большая внутренняя устойчивость. Важно воинам не переходить на личные мотивы мести. Такая агрессия искажает личность человека, что не может не сказаться на отношениях к другим людям. Достаточно вспомнить, с каким трудом дается адаптация к мирной общественной жизни людей, вернувшихся с боевых действий.

Привычка поддаваться личным неприязненным мотивам приводит и к криминализации жизни человека в мирном обществе. Задача Церкви – помочь сохранить доброе человеческое отношение между людьми в условиях агрессивной внешней среды, провоцирующей на деградацию до низменных инстинктов, не допустить упадка моральных ценностей человека.

Сотрудники правоохранительных органов, так же как и военнослужащие, обязаны по роду своей деятельности быть в контакте с теми, кто пребывает в пограничных психических состояниях, кто готов переступить грани нравственного и юридического закона. Возникает опасность, что защитники Родины могут перенести в семью, в ближайшее окружение деструктивные отношения между людьми. Появляется угроза так называемой профессиональной деформации личности.

На Руси именно на полковых священниках лежала основная обязанность по духовному и нравственному воспитанию воинов [11, с. 14]. Следует отметить принципиальную заботу Церкви о каждом человеке, независимо от его религиозной приверженности. И в первую очередь это проявляется в настойчивом диалоге с представителями иных религиозных конфессий. Так, особенно важным сегодня оказывается диалог с исламскими проповедниками, лидерами тех течений, представленных в нашей стране. Одной из центральных тем в межрелигиозных отношениях РПЦ считается достижение устойчивого мирного отношения между людьми.

Для Церкви характерно именно миротворческое служение: необходимо «разрешить различные противоречия и привести к согласию народы, этнические группы, правительства, политические силы, – в том числе посредством усилий для организации переговоров враждующих сторон и для оказания помощи страждущим. Церковь также противостоит пропаганде войны и насилия, всем проявлениям ненависти, способной спровоцировать братоубийственные столкновения» [12, с. 93].

Современные светские нормы морали, как и большая часть законов, регулирующих отношения людей в обществе, в большинстве случаев базируются на упрощенном понимании религиозных норм, в частности христианских. Нравственность, основанная на религиозном чувстве, низводится до уровня личной свободы выбора той или иной мотивации поведения отдельного человека. Опыт духовной жизни, организованной на принципиальной открытости сознания человека к конструктивному диалогу с новыми духовными знаниями, который не сводится к переосмыслению жизненных предыдущих ситуаций, сегодня чаще всего представляется, – к примеру, в формулировке У. Эшби, – как «операция над прошлым» [9, с. 65]. Естественно, усеченный односторонний анализ

существующего богатства мирового культурного наследия приводит к системным ошибкам при моделировании общественных и личностных отношений.

Существенным элементом критики религиозных и нравственных норм оппоненты выставляют тезис об относительности любой идеологической доктрины, о принципиальном отсутствии авторитета в «последней инстанции» у декларируемых нравственных и религиозных поучений. Конечно, нет возможности убедительно противопоставить этому положению весомый логический контраргумент, особенно после военных потрясений XX в. Погибли не только миллионы людей. Лишилось авторитета большинство привычных общественных институтов, смысл существования которых в сознании людей был связан фактически с обеспечением жизненной стабильности и благоденствия.

Однако дело здесь совсем не в логике. Подобные релятивистские оценки построены на утрате принципиального онтологического различия между совокупностью людей и общиной. Перед толпой никакой ответственности за содеянное никто не несет, иное дело, когда жизнь человека зависит от сотрудничества в общине во всей полноте бытия человека. Ведь заметное нарушение достоверной общественно значимой связи между словом и делом, на которой веками строилась жизнь, сегодня оказывается наказуемым только в коммерческих делах, во всех других внеэкономических, «неинтересных» видах общественной деятельности нарушение этой связи становится практически нормой, закрепленной уже на законодательном уровне ряда современных цивилизованных стран. Свидетельство тому – непрекращающиеся дебаты по поводу «двойных» стандартов в политических, экономических и нравственных сферах, в общественной и личной жизни.

На поверхности аргументации адептов релятивизма лежит вполне различимая мировоззренческая установка, уходящая своими корнями в глубь тысячелетий. Фактически утверждается аксиома о возможности полного пренебрежения фактом существования общества как социального явления, отнюдь не сводимого к конгломерату человеческих существ. На этой, по сути, догме, мы видим сегодня, как последовательно строятся интернациональные массы человеческой общности, в которой ликвидируется само понятие общественно значимого типа связей: отношений между поколениями, между детьми и родителями, между мужем и женой. Реанимируется древний эллинистический тип человека, развившийся особенно активно после походов Александра Македонского, – человек мира, – космополит [14, с. 288].

Реализация подобной мировоззренческой установки приводит к практике, утверждающей взаимно однозначное соответствие определенной системы знаков и той мотивации, которая в совместной деятельности людей эту систему знаков породила. Историческое развитие такого варианта науки строилось на гипотезе о возможности описания «эмпирического факта» посредством «протокольных предложений», которые однозначно и объективно всеми учеными могут применяться для описания предмета их интереса [17, с. 34].

Такая модель соответствует тем видам общественной деятельности, совокупность которых должна наиболее полно и адекватно определять всю жизнь людей во всем ее многообразии. Именно Аристотель, столь возносимый сегодняшней научной и философской средой, был теоретиком, а его ученик Александр Македонский – практиком, реализовавшим этот проект. Несмотря на то что в естественных науках работоспособность аристотелевского метода классификации категорий сегодня попадает под довольно жесткую критику [5, с. 239], в гуманитарной сфере не прекращаются попытки таких построений.

Подобные модели общественных и личностных отношений основаны на идее доступности знаковой формализации отношений между людьми – это, собственно, результат экстраполяции общественной практики в сфере материального мира на мир духовной жизни. Считается, что любой мотив поведения человека может быть переведен в разряд общественно контролируемого явления. Эта иллюзия поставлена в основание стратегической модели так называемой информатизации общества, призванной обеспечить тотальный контроль за жизнью человека.

Такая мировоззренческая доминанта приводит к кризису в сфере творческих, духовных устремлений общества. История Древней Греции и Древнего Рима показала и расцвет, и закат такого подхода к моделированию жизненных процессов. Вполне определенно по поводу развития творческой жизни общества заявляют современные лингвисты: «До сих пор остается неясным, в какой степени высшие формы общения (художественное творчество, поэзия) могут служить предметом обучения» [6, с. 14].

Какой же возвращающий нас в современность мировоззренческий вывод следует из предыдущих рассуждений? На наш взгляд, это должно быть утверждение о необходимости сохранения духовно-нравственной детерминанты во всех формах научно организованной социальной практики.

Действительно, если современная общественная практика, обнаруживающая катастрофическую несостоятельность предыдущих экспериментов над жизнью, не есть критерий достоверности исследуемых моделей, если страдания миллионов людей – это лишь случайные события, выпадающие из оценки доброкачественности и оцениваемые с позиции антиметафизической доктрины, фактически представляемой позитивизмом во всех его мутациях, то нам остается лишь привести конкурирующие позиции к сопоставлению.

Следует обратить внимание, что к этому же позитивистскому направлению относится положение о том, что именно имморальные, антиметафизические «идеалы» всегда служат руководством в достижении практических результатов жизненной стратегии. На этой же утилитарной идеологии, собственно, и строится деятельность СМИ, изготавливающих эти «идеалы». Дело в том, что в современный лексикон как бы сами собой входят словосочетания, которых не встретить в духовной литературе предыдущих веков. Языческий «герой-полубог» – это экстраполяция специально подобранных обычных, но гипертрофированных способностей человека, в основном физических, редко интеллектуальных, и еще реже нравственных; «идеал» – явно недостижимый для всех и каждого, но помещенный в разряд вожденной фантазии-мечты, – мифологизированный образ жизни, и прочие «образцы» общественной жизни, – все суть принадлежности модели, основанной на подражании и воспроизведении внешних знаков.

Известно, что активное возрождение этих моделей в России началось с романтизма в начале-середине XIX в. Конечно, как культурный и речевой рецидив некоторые из этих слов можно встретить даже в церковном тексте, – ведь не в безвоздушном пространстве находятся его читатели, – однако в православии ясно определен мотив поведения человека – «не от мира сего» (Ин. 17; 14–16), который отнюдь не сводится к культурологическим, социологическим, экономическим и прочим контролируемым воспроизводимым параметрам. Собственно, именно убежденность в несомненной возможности разложения православного мировосприятия на «стихии мира» (Кол. 2; 8) приводит к появлению системных ошибок, к означенным выше социальным противоречиям в большинстве современных систем, моделирующих общественно значимые отношения.

Порой православная нравственная религиозная максима в публицистике противопоставляется «заботам века сего» с выдвиганием их в качестве доминанты, нарушающей иерархию ценностей, по которой Церковь предлагает организовывать повседневную деятельность людей. Эта направленность имеет вполне заметную осознанную цель – развить потребительский рынок и перейти на так называемое «демонстративное» потребление, появившееся еще на ранних стадиях развития общества в виде агональной мотивация поведения [10, с. 109; 7, с. 257], охватившей все стороны общественной жизни, но ставшее массовым явлением в эпоху индустриального общества [4, с. 57–71], когда мотив приобретения вещей был в значительной степени сконструирован и адаптирован для «средних» слоев общества «идеалом» элитарного потребления.

Естественно, может возникнуть вопрос о том, какое отношение эти исторические реминисценции имеют к православному пониманию проблем, связанных с войной? Дело в том, что любая неадекватная модель организации общественных и личностных отношений, с точки зрения православия построенная на искажении Богом данному человеку достоинства, – это закладка для будущих конфликтов. Ведь совсем необязательно проявлять физическое насилие для порабощения человека, чтобы превратить его в послушное рабочее орудие, – а ведь это, собственно, всегда и было целью военных действий.

РПЦ не может оставаться в стороне от нравственной оценки подобных деяний, извращающих высокий образ человеческих отношений, человеческого достоинства. Попутно можно отметить, что в модели создания дисперсной массы людей утрачивается, как ни странно, такое столь широко сегодня употребляемое понятие, как «справедливость», в то время как в словаре представителей такой человеческой общности речевой доминантой становятся понятия «удачливость», «случайность», «благоприятное стечение обстоятельств», «особые исключительные способности индивида», – и прочее подобное, – которым почему-то повезло в науке, в бизнесе, в полезных знакомствах. И во всех этих случайно определяющих искомый результат условиях обнаруживается желаемый престижный идеальный результат – пример для подражания. Напротив, никакой закономерности, связи результата с прилагаемыми нравственными, духовными, интеллектуальными усилиями здесь не предполагается, поскольку работает декларация: равные возможности всех при равных условиях всех и каждого. Это, как нетрудно заметить, иная формулировка определения дисперсной человеческой массы, поставляемой в эквивалент обществу, построенная на очевидной мифологизации исторического процесса.

В такой модели нет прошлого, нет будущего, есть только «здесь и сейчас» с естественной для нее формулой «бери от жизни все». Само собой, в этих условиях вполне комфортно ощущает себя

так называемая коррупция, поскольку никаких «отложенных» мотивов деятельности «на завтра» нет, ибо нет и самого «завтра», – нет общественно значимой связи с будущей жизнью общины. О какой справедливости заявлять – и кому и перед кем? Работает в таких условиях разве что ожидание страха от юридически оформленной мести возмещения за причиненный ущерб или получаемый ущерб от нарушения тех же, все-таки общественных, законов. Сегодня эта же ситуация в России вполне заметна и вполне вкладывается в парадигму аристотелевских категорий, построенных «без связи» [1].

Можно заметить, что по поводу нарушений «справедливости» у РПЦ сегодня практически нет ни единого комментария или замечания к современному состоянию общественных отношений – тем более никаких личностных оценок, личностных претензий. Это понятно, поскольку Церковью ставится задача преобразования существующих отношений между людьми соответственно Божьим Заповедям, но отнюдь не призывы к изменению политической и экономической модели, – члены общества должны сами делать выбор в отношении способа организации своего будущего, если оно вообще стремится его иметь.

В связи со сказанным следует отметить, что факт онтологической несостоятельности сплошной формализации человеческих отношений на деле вполне осознается организаторами проекта по тотальной информатизации общества. Отсутствие общества с его традиционными связями вполне, по их мнению, компенсируется созданием муляжа общины, а именно, созданием сословия «мудрецов», что вполне повторяет идеологию аристотелевского мировосприятия [2].

Очевидная для православного религиозного понимания проблема противостояния войне, сохранения человеческого достоинства, недопустимости экстраполяции мести, чувства «справедливого» гнева и подобных эмоционально окрашенных агрессивных мотивов поведения в практике общественного бытия зачастую вызывает не только непонимание, но, напротив, всячески тренируется, возбуждается с помощью СМИ, особенно в молодежной среде, именно враждебное отношение к человеку. Наиболее заметный недостаток этой модели – это отсутствие учета внеэкономической, идеологической мотивации людей. Попраение нравственности возведено в статус общественно значимого мотива деятельности. Ее систематическое игнорирование приводит к существенным ошибкам в прогнозируемых результатах – появляются непредсказуемые последствия в поведении людей, в частности в виде тех же террористических акций.

В условиях светского государства и при отсутствии общественного согласия в необходимости самого факта существования определяющего единого нравственного ориентира у власти нет инструментов для регулирования мотивации творческой деятельности, что усугубляет ситуацию нарастающее давление потребительской идеологии. Сегодня кризис творчества во всех сферах, начиная с культуры и кончая наукой, вполне очевиден во всем мире, – основная деятельность – эпигонство. По поводу культурных последствий таких установок в литературе вполне определенно высказался Патриарх Кирилл: «Современная массовая культура, получившая название постмодернистской, есть не что иное, как культура относительности, культура антиценностей. Когда ценности становятся относительными, то они превращаются в антиценности. Эта литература не принимает сакрального измерения человеческой жизни, она выхолащивает сакральное и разрушает традиционные нравственные ориентиры. Нередко в этой литературе размываются границы добра и зла настолько, что от нее веет духом апокалипсиса. Культура постмодернизма, сколько бы приставок “пост” мы к ней ни прибавляли, не способна вывести современного человека из глубокого духовного и нравственного кризиса, в котором он оказался. А почему? Да потому что культура, построенная на отрицании опыта предшествующих поколений, на отрицании традиций, на разрушении вечных нравственных истин, на постулировании относительности моральных норм, априори деструктивна и ввергает людей в страшный духовный хаос. И потому она нежизнеспособна» [15].

Такому подходу к жизни можно противопоставить только модель, организованную на идеологических мотивах, нравственно возвышающих человека и препятствующих его низведению до уровня биологической особи. Конечно, приобретение нравственного убеждения не может быть осуществлено в рамках мировоззренческой эклектики, осуществляемой в форме религиозного синкретизма. В качестве одного из последних примеров организационной и культовой реализации подобного религиозного опыта можно назвать Храм Всех религий в Казани. Принципиальная невозможность создания сегодня синкретической нетрадиционной религии, на наш взгляд, порождена следующими обстоятельствами. Слишком велика дистанция в культурах и привычках людей. Еще большая трудность в межличностном общении возникает из-за отсутствия единого общего дела, вслед за ответственностью за результат которого перед своей общиной могло бы возникнуть взаимопонимание между разными формами религиозных объединений.

Таким образом, существование критерия, по которому различается деятельность, унижающая человеческое достоинство и обеспечивающая творческое восхождение к нему, немыслимо вне гармоничных общественных и личностных отношений. Модель, не учитывающая проблему восстановления жизнью оправданных связей в обществе, работает в том же направлении, что и представления, приведшие к катастрофе XX в.

Если в чьей-то практике понятийные универсалии входят в противоречие с «естественными» мотивами поведения, то тем хуже для универсалий. Как ни трагично, – исторический опыт показывает, – даже смерть близких людей, единомышленников, боевых товарищей не является достаточным условием для пересмотра понятийных ориентиров, пригодных для совместного конструктивного дела.

Еще раз приходится обратить внимание, что речь, как один из видов моделирующих систем, напрямую зависит от выбранного вида деятельности в качестве доминанты развития жизни.

Естественно возникает вопрос, как найти то общее дело, совместно совершаемое, что даст нам возможность устанавливать язык достоверного миролюбивого общения друг с другом?

Выход здесь один, он указан как основание для практики РПЦ: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5, 44; Лк 6, 27–35).

Для РПЦ это не фигура речи. По благословию Патриарха Кирилла [18] неоднократно осуществлялись акции по доставке гуманитарной помощи, в частности, в зоны, пострадавшие от бесчинств искателей «своего». Важно, что в этой благотворительности принимали участие лидеры идеологически разнородных течений исламского мира. Эта практика, хотя и достаточно ограниченная по своим как политическим, так и экономическим ресурсам, может находить позитивные отклики в противостоящих идеологических течениях [19].

Тот же исторический опыт подсказывает, что формирование научных понятий происходит не раньше, чем совершается становление понятий житейских. А ведь любое понятие есть продукт обобщения личного опыта, приобретаемого в коллективном труде, ориентированного на достижение достоверного общественно значимого результата.

РПЦ считает, что старые русские сказки о героях-молдцах, забредших к Бабе-яге, имеют непререкаемый позитивный конструктивный смысл, годный для решения современных опасных для самой жизни конфликтов: ты сначала напои, накорми, а потом и о деле спрашивай. Похоже, никаких новых данных, раскрывающих глаза на мир, нам предложить не удастся. Можно лишь постараться воспользоваться остатками традиционных максим, которые еще не совсем затерты постмодернистскими потоками сознания.

Подведем итог. В условиях мировоззренческого эклектизма и одновременного обострения идеологических конфликтов большая ответственность лежит на Церкви, которой определено есть что противопоставить напору растущей бездуховности. Церковное мнение, выраженное в практической деятельности, подтверждает, что и в современном обществе может и должна быть достигнута согласованность между сферами духовной и материальной жизни. Обращаясь к социальной концепции РПЦ, нетрудно заметить, что этот документ в определенном смысле обозначает раздел сфер влияния на материальные – внешние, заботу о которых берет на себя государство, и на духовно-нравственные, где ответственность берут на себя общество и Церковь, если не в масштабах всего общества, то, по крайней мере, большей его части, в организации преемственности жизнеспособных, актуальных традиций. Моделирование развития общества, построенное на учете личностных и общественных потребностей, проверенных на церковной практике организации стабильной государственной жизни, представляет достаточно надежную перспективу. Безусловно, для продуктивного использования этого опыта потребуются продуманный перевод описания прежних определяющих общественное развитие доминант на язык, учитывающий последние достижения науки, при этом без утраты исторически проверенных достоверных перспектив.

Список литературы

1. *Аристотель*. Категории. Гл. 4. URL: <https://profilib.net/chtenie/33098/aristotel-kategorii.php> (дата обращения: 27.08.2017).
2. *Аристотель*. Метафизика. Кн. первая, гл. 1. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Aristotel_Metafizika.pdf (дата обращения: 27.08.2017).
3. *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 294 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-politike-sovetskogo-gosudarstva-v-1943-1948-gg> (дата обращения: 15.09.2017).
4. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 194 с. URL: <http://library.fa.ru/files/Veblen.pdf> (дата обращения: 17.11.2017).
5. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.

6. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения. Вопросы методологии. М. : Наука, 2008. 280 с.
7. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1984. 350 с. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2012/07/A_Ya_Gurevich_Kategorii_srednevekovoy_kulturyi_2e_izd._ispr._i_dop._M._Iskusstvo_1984..pdf (дата обращения: 17.11.2017).
8. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата «Об основах социальной концепции Русской Православной Церкви». URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/429361/> (дата обращения: 15.09.2017).
9. Загвязинский В. И., Атаханов Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М. : Изд. центр «Академия», 2007. 208 с.
10. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Л. Я. Жмудя. СПб. : филол. фак. СПбГУ, 2001. 320 с. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/zaitsev/6.htm> (дата обращения: 17.11.2017);
11. Котков В. М., Коткова Ю. В. Военное духовенство России. Страницы истории : учеб. пособие. СПб., 2005. 187 с. URL: http://social-orthodox.info/materials/5_13_kotkov_vyacheslav_mihaylovich.pdf (дата обращения: 15.09.2017).
12. Основы социально концепции Русской Православной Церкви. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2000. 160 с. URL: <https://azbyka.ru/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 15.09.2017).
13. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М. : «Пропилеи», 1995. 400 с. URL: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/shtrikker_dokumenty.pdf (дата обращения: 15.09.2017).
14. Словарь античности / пер. с нем. М. : Прогресс, 1989. 704 с. URL: <https://yadi.sk/i/5hr30PCDtD3xH> (дата обращения: 10.10.2017).
15. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии вручения Литературной премии им. святых Кирилла и Мефодия 22 мая 2013 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2989815.html> (дата обращения: 07.12.2017).
16. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/171640/> (дата обращения: 15.09.2017).
17. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. М. : Изд-во МГУ, 1993. 181 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=797495&pg=36> (дата обращения: 17.11.2017).
18. Религиозные общины России провели беспрецедентную по масштабам гуманитарную акцию в Сирии. URL: <https://mospat.ru/ru/2018/02/06/news156268/> (дата обращения: 25.02.2018).
19. Голос ислама. URL: <https://golosislama.com/?cat=2> (дата обращения: 25.02.2018).

Russian Orthodox Church in modern Russian society

M. N. Golik

competitor, Nizhny Novgorod State University
n. a. N. I. Lobachevsky. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: mihail.golik@yandex.ru

Abstract: The article deals with the religious organization, the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), where it is a significant subject of public life in modern Russian society. Moral and religious motives that have being historically determined the form and content of relations between people, are shown. The grounds, on which models of social relations are built today, are described. It is noted that in the capacity of the most typical form of modern social activity of the Russian Orthodox Church a social practice of the Church in solving the problem of peaceful settlement of the contradictions between the adherents of opposing ideologies acts. At the same time the methodological limitation and practical danger of the principle of ideological relativism are shown. The growing tendency to erasing of natural and cultural-historical differences between human communities becomes the main social consequence of ideological relativism today. Another side of the practical realization of the principle of relativism is the formalization of interpersonal relations, which gave rise to the positivist project of the information society.

Immoral "ideals" of delivering the final results of the life strategy that are introduced through the media and potentially are able to turn into anti-values become one more variant of practical application of anti-metaphysical ideology of positivism in the life of modern society.

It is concluded that in a situation of ideological eclecticism and the simultaneous exacerbation of ideological conflicts, a large proportion of the responsibility lies on the Church, which definitely has something to counter the pressure of the growing lack of spirituality. Church view expressed in practical activities, confirms the assumption that in the modern technogenic and consumer oriented society a reasonable agreement between the spiritual and material spheres of existence can and should be achieved.

Keywords: spirituality, model, ideology, tradition, the Russian Orthodox Church, positivism

References

1. Aristotle. *Kategorii. Gl. 4* [Categories. Ch. 4]. Available at: <https://profilib.net/chtenie/33098/aristotel-kategorii.php> (date accessed: 27.08.2017).
2. Aristotle. *Metafizika. Kn. pervaya, gl. 1* [Metaphysics. Book first, chapter 1]. Available at: http://www.100bestbooks.ru/files/Aristotel_Metafizika.pdf (date accessed: 27.08.2017).
3. Vasil'eva O. YU. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Russian Orthodox Church in Soviet state policies in 1943–1948.: dis. ... Dr hist. sciences]. M. 1998. 294 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-politike-sovetskogo-gosudarstva-v-1943-1948-gg> (date of appeal: 15.09.2017).
4. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of a leisure class]. M. Progress. 1984. 194 p. Available at: <http://library.fa.ru/files/Veblen.pdf> (date accessed: 17.11.2017).
5. Heisenberg W. *SHagi za gorizont* [Steps for horizon]. M. Progress. 1987. 368 p.
6. Gvishiani N. B. *Yazyk nauchnogo obshcheniya. Voprosy metodologii* [Language of scientific communication. Methodological issues]. M. Nauka. 2008. 280 p.
7. Gurevich A. YA. *Kategorii srednevekovoy kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop.* [Categories of medieval culture]. 2nd ed., corr. and add. M. Iskusstvo. 1984. 350 p. Available at: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2012/07/A_Ya_Gurevich_Kategorii_srednevekovoy_kulturyi_2e_izd_ispr_i_dop_M_Iskustvo_1984.pdf (date accessed: 17.11.2017).
8. *Doklad mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla, predsedatelya Otdela vneshnih cerkovnyh snoshenij Moskovskogo Patriarhata «Ob osnovah social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi»* – Report by Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad, Chairman of the Moscow Patriarchate's Department for external Church relations, on the basis of the social concept of the Russian Orthodox Church. Available at: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/429361/> (accessed: 15.09.2017).
9. Zagvyazinskij V. I., Atahanov R. *Metodologiya i metody psikhologo-pedagogicheskogo issledovaniya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij* [Methodology and methods of psychological and pedagogical research: tutorial for student of higher ped. institutions']. 4th ed., ster. M. Publ. center "Academy". 2007. 208 p.
10. Zajcev A. I. *Kul'turnyj perevorot v Drevnej Grecii VIII–V vv. do n. eh. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Cultural revolution in Ancient Greece in the VIII–V centuries BC]. Ed. 2nd, corr. and add. / under the editorship of L. Ya. Zhmud'. SPb. Philol. Fac. of St. Petersburg State University. 2001. 320 p. Available at: <http://www.sno.pro1.ru/lib/zaitsev/6.htm> (circulation date: 17.11.2017);
11. Kotkov V. M., Kotkova YU. V. *Voennoe duhovenstvo Rossii. Stranicy istorii : ucheb. posobie* [Military clergy in Russia. Pages of history: textbook]. SPb. 2005. 187 p. Available at: http://social-orthodox.info/materials/5_13_kotkov_vyacheslav_mihaylovich.pdf (date of appeal: 15.09.2017).
12. *Osnovy social'no koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church. M. Publishing house of the Moscow Patriarchate. 2000. 160 p. Available at: <https://azbyka.ru/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (date of appeal: 15.09.2017).
13. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v sovetskoe vremya (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdu gosudarstvom i Cerkov'yu* – The Russian Orthodox Church during the Soviet period (1917–1991). Materials and documents on the history of relations between the state and the Church / comp. G. Stricker. M. "The Propylaea". 1995. 400 p. Available at: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/shtrikker_dokumenty.pdf (date of appeal: 15.09.2017).
14. *Slovar' antichnosti* – Dictionary of antiquity. M. Progress. 1989. 704 p. Available at: <https://yadi.sk/i/5hr30PCDtD3xH> (date accessed: 10.10.2017).
15. *Slovo Svyatejshego Patriarha Kirilla na ceremonii vrucheniya Literaturnoj premii im. svyatykh Kirilla i Mefodiya 22 maya 2013 goda* – His Holiness Patriarch Kirill speaks at the ceremony of presenting the Literary award n.a. saints Cyril and Methodius on May 22, 2013. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2989815.html> (date accessed: 07.12.2017).
16. Federal law No. 125-FZ of 26 September 1997 (amended on 6 July 2016) "On freedom of conscience and religious associations" // SPS Garant. Available at: <http://base.garant.ru/171640/> (accessed: 15.09.2017). (in Russ.)
17. SHlik M. *O fundamente poznaniya* [On the foundations of knowledge] // *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty* – Analytic philosophy: Selected texts / comp., introd. article and comments A. F. Gryaznov. M. Moscow State University Publishing House. 1993. 181 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=797495&pg=36> (date accessed: 17.11.2017).
18. *Religioznye obshchiny Rossii proveli besprecedentnuyu po masshtabam gumanitarnuyu akciyu v Sirii* – Russia's religious communities have carried out an unprecedented humanitarian action in Syria. Available at: <https://mospat.ru/ru/2018/02/06/news156268/> (accessed: 25.02.2018).
19. *Golos islama* – The voice of Islam. Available at: <https://golosislama.com/?cat=2> (circulation date: 25.02.2018).